Марина
СЕРОВА
НОВАЯ КНИГА
Пустячок, а приятно
РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Частный детектив Татьяна Иванова

Марина Серова

Пустячок, а приятно

«Научная книга»

2004

Серова М. С.

Пустячок, а приятно / М. С. Серова — «Научная книга», 2004 — (Частный детектив Татьяна Иванова)

У частных детективов тоже болят зубы. Эта простая истина открылась великой сыщице Татьяне Ивановой на дне рождения ее друга. Один из гостей, некто Ольховский, оказывается зубным врачом. Он обещает Тане помощь, но… просит ее немедленно найти чемоданчик с семью килограммами золота, пропавший из сейфа главврача их клиники. Но еще до того, как она посетила это богоугодное заведение и принялась искать след таинственного чемоданчика, Ольховского убивают. Дело и вправду серьезное, – решает Таня и начинает расследование с опроса сотрудников клиники. Один из них показывает ей… чемоданчик с золотом. Так пропадал ли чемоданчик вообще? И сколько у них вообще таких чемоданчиков? На блеск золота немедленно слетаются бандиты. А Татьяна… оказывается у милиции главным подозреваемым по этому делу…

© Серова М. С., 2004
© Научная книга, 2004

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 16
Глава 3 26
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Марина Серова
Пустячок, а приятно

Глава 1

– Дорогие гости! Я предлагаю тост за замечательную женщину, которая присутствует сейчас здесь вместе с нами. Великолепного работника, юриста, но не только. Ее профессия, частный детектив, казалось бы, мало подходит женщине, однако является нужнейшей и ответственнейшей в нашем обществе. В нестандартных ситуациях, когда нам, представителям правоохранительных органов, оказывается неимоверно трудно, наша Татьяна Иванова великолепно умеет распутывать самые сложные, самые головоломные преступления, не теряя при этом своей необыкновенной привлекательности и, я бы даже сказал, фантастической сексуальности. Посмотрите на эту женщину! Разве по ее виду когда-нибудь догадаешься, что у нее черный пояс по карате? Глядя на нее, женственную и обаятельную, трудно поверить, что позади у нее раскрытие сложнейших дел, которые смутили и поставили в тупик самых крутых следователей. Как известно, кличка у нашей Тани – Ведьма. И действительно, для всех злоумышленников в нашем городе она стала настоящей ведьмой, которая словно при помощи сверхъестественных сил предвидит все их злодеяния. Я предлагаю тост за частного детектива Татьяну Иванову!

Последовало восторженное «О-о!», звон состыковываемых рюмок, торжественно-приторные поздравления. Я тоже протянула свою рюмку с кагором, чувствуя, что мне уже приходится прикладывать некоторые усилия, чтобы держать ее прямо и сопротивляться тычкам в нее рюмками остальных гостей. Слова Гарика Папазяна, произносившего этот тост, долетали до меня как бы издалека, будто я находилась в соседней комнате, розовая пелена застилала мой взор – я откровенно балдела. Ничего не скажу, опьянение вообще-то вещь очень приятная. Но только неприятно было думать, что меня развезло, в то время когда другие сидели трезвые, как стеклышко. По крайней мере, на первый взгляд.

Дело в том, что я совершила ошибку, которую в двадцать семь лет совершать уже стыдно. Придя на день рождения к своему старому другу, сотруднику милиции Гарику Папазяну, я с ходу пожаловалась на зубную боль, которая и в самом деле мучила меня уже третий день. Тогда Гарик ничтоже сумняшеся посоветовал мне выпить водки, уверяя, что от зубной боли это лучшее средство. И я сдуру согласилась – сразу же натощак хлопнула рюмку этой химической гадости. Непонятно, как только алкаши пьют ее. Впрочем, почувствовала, что боль в челюсти и правда отступает, и я была ужасно довольна. Однако потом все сели за стол и последовал первый тост, который мы выпили за здоровье именинника стоя, с торжественным видом чокнувшись бокалом с традиционным шампанским. И только тогда моя старинная подруга Ленка-француженка, которую я на этот кутеж притащила с собой, воскликнула: «Танька, что ж ты делаешь? Ты ведь водку пила! Сейчас у тебя в животе ерш получится!» Я и сама уже сообразила, что непременно получится, однако несколько поздновато: ерш был уже во мне и немедленно начал свое гнусное дело. И вот теперь я сидела за столом расслабленная и чувствовала, что глупо улыбаюсь, наблюдая за происходящим вокруг сквозь розовую пелену.

Гости, частью хорошо знакомые, частью совершенно новые для меня лица, интенсивно ели, пили, о чем-то оживленно разговаривали друг с другом. Пробовали даже петь песни. Гарик затянул какую-то занудную армянскую песню, от которой у меня против воли закапали из глаз слезы. Сразу же заметившие это гости прятали ехидные улыбки. Недаром говорят, что по пьяни многие люди делаются сентиментальными, и вот я являла собой наглядное подтверждение этой давным-давно замеченной особенности человеческой природы.

– Танечка, а ты почему ничего не кушаешь? – Гарик подобрался ко мне с рюмкой темно-красного напитка. Признаюсь, в тот момент мне было абсолютно все равно, какого именно. – Не сиди, кушай, иначе еще хуже будет. Смотри, что тут около тебя… Вот печеночные лепешки, вот «шуба», вот салат из кальмаров и зеленого горошка, рыбный салат, а вот «оливье». Или хочешь, выпьем?

– Не хочу! – решительно проговорила я, чувствуя, что язык не особенно меня слушается. – Куда мне еще пить? Ты лучше подумай, как я домой добираться буду. Я же сюда на машине приехала…

– Да доберешься, все будет нормально, – легкомысленно заверил меня Гарик. – В автоинспекции у меня полно знакомых.

Я покорно кивнула, не став спорить. Как будто при езде в пьяном виде самое опасное – это инспектор ГИБДД.

– Ты в самом деле ешь давай, – сказала сидящая рядом со мной Ленка-француженка. – В твоем положении сейчас самое главное – поесть хорошо. Тогда и голова прояснится.

Я снова кивнула и пробормотала пьяным голосом: «Ладно, знаю без тебя…» Подцепив с ближайшей тарелки что-то – правда, так и не сумев сообразить, что именно, – я стала послушно жевать. Это старое правило мне было известно и без подсказки подружки. Только вот есть мне упорно не хотелось. Признаться, я вообще не большая любительница много кушать, предпочитаю кофе и сигареты. И если бы можно было питаться только одними ими, я бы вообще больше ничего не брала в рот. Однако, к сожалению, мой желудок имел на сей счет свое мнение, причем совершенно иное, а потому требовал, чтобы иногда в его рацион добавляли чего-нибудь более калорийное. А с мнением собственного желудка хочешь не хочешь приходилось считаться.

Внезапно я почувствовала странное, непонятно откуда взявшееся беспокойство. Как-то неуютно стало сидеть вот так, в доску пьяной, и тупо улыбаться радости и веселью других. Сначала мне подумалось, что мой проклятый зуб снова решил заболеть. Но, потрогав его языком, я поняла: нет, больной зуб прочно усыплен алкоголем и пока не подает особенных признаков жизни. Тогда я провела глазами вдоль праздничного стола, и тут стало ясно, что же меня смутило: на дальнем конце стола я обнаружила мужчину в очках, пристально наблюдающего за мной. Но в тот момент, когда мой пьяный взгляд дошел до его персоны, он отвернулся, опустив голову к своей тарелке.

Мне его поведение показалось весьма необычным. В суматохе вечеринки и застолья я как-то не обратила внимания на этого гостя и не помнила теперь ни его имени, ни кто он такой. А может, мне вообще его не представляли. На вид мужчине было не больше сорока, лицо бритое, несколько одутловатое и вроде бы усталое. Цвет его кожи в свете домашней люстры казался прямо-таки серым, под глазами отчетливо выделялись тени. Кажется, этот человек не дружит со спортом и со свежим воздухом. Да-да, как ни была я в тот момент пьяна, но профессиональная привычка отмечать отдельные черты в лицах и пытаться определить по ним характер и род занятий человека, ничего не поделаешь, брала свое.

Воспользовавшись тем, что мужчина не поднимал глаз, вроде бы сосредоточившись на поглощении праздничных блюд, я продолжила свои наблюдения.

Так-так, у этого типа род занятий явно интеллектуальный. Похоже, он часами просиживает в офисе за компьютером или над пачкой деловых бумаг. А в качестве отдыха у него сигареты и рюмочка коньяку или даже водки. Почти то же самое, что и у меня, но только, скажем так, в мужском варианте. Впрочем, черного пояса по карате, в отличие от меня, у мужчины нет, да и быть не может: по всему видно, что физическая закалка еще с юности у него равна нулю. Однако лицо я бы назвала красивым, насколько может быть красивым лицо неспортивного мужчины. Был в нем какой-то определенный шарм, способный вызвать интерес даже у такой многоопытной особы, как я.

И вот этот гость Гарика почему-то излишне пристально смотрел на меня… Смотрел не сводя глаз, и только теперь, когда я, в свою очередь, глянула на него, он опустил глаза. С чего бы ему проявлять такой интерес, а? Я ненадолго отвлеклась от наблюдения, попробовав подцепить что-нибудь с тарелки и запихнуть себе в рот. И немедленно снова ощутила на себе сумрачный, озабоченный взгляд мужчины с дальнего конца стола. А между прочим, насколько я могла судить по своим пьяным наблюдениям, странный человек практически ничего не пил. Во всяком случае, в отличие от остальных гостей, чьи физиономии заметно раскраснелись от принятого внутрь алкоголя, лицо мужчины оставалось бледным и печальным. Он почти не разговаривал с соседями и ел как будто через силу. Будь я помоложе, я бы, наверное, подумала, не влюбился ли в меня этот тип? А что, такое в принципе возможно: ко мне до сих пор подходят на улице двадцатилетние мальчики и пробуют ухаживать. А тут еще Гарик Папазян со своим трепом о моей сексуальности… Правда, в тосте именинника были еще слова про черный пояс и про то, что я лучший частный детектив в городе… Но опыт мне говорил, что в данном случае наверняка что-то другое. То, что у незнакомца камень на душе, я поняла сразу. За столько лет, проведенных в сыске, раскрыв массу дел, я научилась разбираться в людях очень хорошо и вижу потенциального клиента издалека. Даже если он сам еще не решил для себя вопрос, нужен ему или нет хороший детектив.

Пьяное состояние тем и приятно, что время летит незаметно. Застолье шло своим чередом, провозглашались еще какие-то тосты, в мою рюмку наливали то шампанского, то красного вина. Собственно, могли наливать чего угодно, мне уже было все равно. Помню, я что-то жевала, когда еда каким-то образом оказывалась на моей тарелке. И все время я ощущала на себе пристальный взгляд того странного мужчины. В конце концов мне это стало действовать на нервы. Такое же чувство возникает, когда назойливая муха иногда вьется вокруг головы и все садится на одно и то же место, и никак не удается избавиться от нее. Впрочем, во взгляде неизвестного гостя действительно было что-то необычное, грустное и сосредоточенное. Наверное, проблемы у него и впрямь очень серьезные, иначе бы он не смотрел так сумрачно.

Потом вдруг я заметила, что гости как-то разом стали вставать из-за стола и в комнате стало тише и прохладнее. Я решила, что мне тоже пора бы встать и отправиться домой, и даже попыталась воплотить свое решение в жизнь. Сделать это, однако, оказалось не так-то просто. Потому что, едва я поднялась на ноги, как все вокруг меня закружилось, закачалось… как на море во время качки. Когда я вздумала пройти к выходу из комнаты, в Гариковой квартире, такой милой и уютной, стала твориться жуткая чертовщина: внезапно большой, заставленный посудой стол решил наехать на меня сбоку, пришлось от него обороняться. Потом какой-то ненормальный стул кинулся мне под ноги, и я едва не кувыркнулась через него вниз головой. Я давно заметила, что мебель во время банкетов всегда ведет себя особенно агрессивно, что очень невежливо с ее стороны. И тут я почувствовала, что кто-то поддержал меня под руку.

– Вы лучше пока сядьте, посидите, – услышала я рядом с собой мужской, несколько сипловатый, но в целом приятный голос. – Сейчас Гарик гостей проводит, вернется, придумаем, что с вами делать…

Я послушно уселась на заботливо подставленный стул и только тогда подняла глаза на своего собеседника. Как я и предполагала, это был тот самый молчун с дальнего конца стола. Он сам уселся рядом со мной на другой свободный стул.

Какой-то мужчина в шапке и меховой куртке заглянул в нашу комнату, оглядел нас двоих, как мне с пьяных глаз показалось, насмешливо.

– Толя, ты идешь? – спросил он, обращаясь к очкастому молчуну. Голос у него был сильный, басовитый. Голос человека, уверенного в себе. Направив на него свой не сразу сфокусировавшийся взгляд, я обнаружила узкое и довольно правильное худощавое лицо с впалыми щеками. Судя по многочисленным морщинам и седым вискам, мужчине было лет около пятидесяти, а может быть, и чуть больше.

– Нет, Петя, – быстро и, сразу видно, трезво ответил сидящий возле меня мрачный тип. – А ты иди… Счастливо тебе добраться…

– Ах да, у тебя же девушка… Смотри, доведи ее до дома в целости и сохранности! – весело заметил человек в шапке, затем кивнул головой на прощание и, еще раз усмехнувшись, вышел.

Мы с угрюмым остались в комнате вдвоем.

– Вы знаете, мне вообще-то тоже уходить надо… – заговорила я, старательно произнося каждое слово, но сама слышала, что мой голос против воли звучит хрипло и развязно, как у пьяной шлюхи.

– Ничего, ничего, сидите, – спокойно проговорил мрачный очкарик, изредка поглядывая на меня. – Все будет нормально.

Но мне решительно не сиделось.

– Понимаете, я сюда на машине приехала, – продолжала лепетать я. – На бежевой «девятке». Видели, она там у подъезда стоит?

– Да, да, видел, – отвечал мужчина торопливо, рассеянно глядя куда-то в сторону. – Вы пока сидите, все будет нормально.

– Вы не подумайте, что я алкоголичка какая-то, – возразила я, пытаясь заглянуть ему в глаза. – Вообще-то я нормально переношу выпивку… – Тут я громко икнула, но мужчина сделал вид, что ничего не заметил. – Простите, – смущенно пробормотала я. – Просто так вышло, что у меня в животе получился ерш… еще перед обедом выпила рюмку водки… Всего одну! Чтобы зуб не болел…

– А у вас что, болит зуб? – вдруг заинтересованно спросил мужчина.

– Д-да… – пролепетала я и показала пальцем на рот. – Там, внутри…

– Да, серьезно? – Мужчина заинтересовался еще больше. А потом вдруг требовательно заявил: – Ну-ка, покажите. Откройте рот…

И я послушно раззявила варежку. Мужчина крепкими, уверенными пальцами взял меня за челюсть и стал вертеть мою голову, поворачивая ее так, чтобы свет от люстры падал мне в рот.

– Какой, говорите, зуб у вас болит? – спросил мужчина.

В ответ я промычала что-то невнятное. А что другое, кроме мычания, можно издать, когда вас железной рукой держат за нижнюю челюсть?

– А, вижу, – сказал наконец мужчина. – Вон, у вас там дырочка и десна распухла. Лечить надо зубик-то! – заявил он, отпуская мою челюсть.

В ответ я послушно кивнула и горестно вздохнула.

– Вы что, Анатолий Дмитриевич, за день на зубы не насмотрелись? Пришли ко мне на день рождения, а все норовите людям в рот заглянуть…

Гарик Папазян, проводив последнего гостя, теперь вернулся в комнату и стоял рядом с нами.

– Да вот, барышня на зуб жалуется, – серьезно и спокойно отвечал мужчина. – Я же врач. Могу ли отказать в помощи, тем более хорошенькой женщине…

– Так оказывайте помощь в своей клинике, – сердито отозвался Гарик. – И вообще… Время уже позднее, а вы, наверное, живете далеко…

Судя по резкому тону Гарика, знакомство его с Анатолием Дмитриевичем было очень поверхностным, и я даже удивилась, зачем вообще Папазян пригласил его на свой день рождения. Насколько я знаю, мой милицейский друг очень не любит присутствие посторонних на своих празднествах.

Мрачный мужчина несколько смутился от резкого тона именинника, но тем не менее спокойно заметил:

– Татьяну проводить надо. Ее одну в таком виде нельзя выпускать на улицу…

– А кто сказал, что она пойдет на улицу? – как-то уж совсем недовольно проворчал Гарик. – Таня останется со мной. Правда, Таня? У меня есть для тебя отдельная постель…

Внезапно до меня дошло, о чем говорит Гарик. А когда дошло, я сразу наполовину протрезвела. Дело в том, что Гарик Папазян, честный мент армянского разлива, был моим очень давним знакомым, милым и симпатичным работником правоохранительных органов, с которым я распутала несколько очень важных для меня дел. И он был бы совсем милым, если бы не его неизменная мечта непременно увидеть меня в своей постели. Но я, решительно не желая, чтобы мои отношения с правоохранительными органами стали чересчур интимными, всякий раз как могла увертывалась от ухаживаний Папазяна. Да, и до сих пор это у меня вполне получалось, однако теперь мое положение становилось действительно угрожающим. Угостив меня ершом, не знаю уж, сознательно или случайно, Гарик обрел слишком большую власть надо мной.

– Ты что, Гарик, спятил? – вскинулась я. – Какая еще постель?

Я даже довольно резко поднялась, но шкаф сбоку предательски надвинулся на меня, и, чтобы не упасть, я была вынуждена опереться на плечо мрачного очкарика.

– Ну, куда ты пойдешь в таком виде, Таня? – проговорил, заметно теряя самоуверенность, Гарик. – Оставайся лучше у меня.

– Пожалуй, будет лучше всего, если я провожу даму, – вдруг решительно заявил Анатолий. – Кстати, если зуб вас очень беспокоит, мы можем зайти в нашу клинику. Она круглосуточная, там сейчас есть дежурный врач…

– А вы что, стоматолог? – поинтересовалась я.

– Ну вот, доперла, – зло прокомментировал Гарик, явно недовольный тем, что опять добыча ускользает от него. – Я же тебе, еще когда вас друг другу представлял, говорил, что Анатолий Дмитриевич зубной врач. Кандидат медицинских наук, между прочим.

– Серьезно? – пролепетала я, оборачиваясь на молчаливого мужчину.

Тот скромно кивнул.

– Только что с того, что он кандидат? – продолжал усмехаться Гарик. – Зарплата у него хрен да еще маненько, калымить или негде, или не умеет. На машину кое-как денег скопил, а только купил – сломалась. Бедолага, одним словом…

– Да, кстати, Татьяна, – заговорил бедолага Анатолий Дмитриевич неожиданно галантно. – Водительские права у меня с собой, и, если хотите, я могу отвезти вас домой на вашей машине. Если вы доверяете, конечно…

Нет, я не доверяла свою бежевую «девятку» никому. Но праздничный стол плясал вокруг меня, выкидывая невероятные коленца и кружева, а люстра под потолком, самый обычный домашний электроприбор, мигала разноцветными огнями, словно цветомузыка на дискотеке, так что я, право, не знала, что и сказать.

– Согласна, согласна, – заявил вместо меня Гарик. – Двор у моего дома неспокойный, здесь хорошую машину на ночь лучше не оставлять.

– Но как же… – проговорила я недоумевающе. – Анатолий, ведь вы тоже, наверное, выпили…

– Нет, я не пил, – поспешил уверить меня стоматолог. – Мне не до пьянок, у меня проблемы… И со здоровьем, и вообще.

– Поэтому и грустный такой сидел весь день рождения, что трезвый! – весело воскликнул Гарик. – Кому ж понравится поститься, когда все вокруг пьют и жрут от пуза!

Гарик от души расхохотался, а я с интересом посмотрела на моего предполагаемого спутника: надо же, непьющий мужчина! Такое нечасто встретишь!

– Ладно, пойдем мы, Гарик, – проговорил Анатолий торжественно и печально, словно отправлялся в дальнее плавание. – Всех благ тебе, удачи…

Я также пожелала Папазяну чего-то хорошего, насколько мне позволил сидящий в мозгах и подавлявший их способности продуцировать мысли и слова ерш.

* * *

Оказавшись на улице, я, к своему удивлению, почувствовала облегчение и даже некоторое прояснение в голове. С наслаждением вдохнула студеный воздух, чувствуя, что после угара застолья даже он, по-городскому пахнущий автомобильными выхлопами, действует отрезвляюще.

Стояла ранняя весна, самая середина марта, когда днем светит солнышко и снежно-ледяной покров начинает таять, за ночь, однако, снова сильно подмораживает, и к утру вчерашние лужи становятся замороженным монолитом. Очень противная погода для автомобилиста: нужно быть готовым к самым неприятным сюрпризам. В такую погоду за руль в пьяном виде нельзя садиться вовсе. Однако не могла же я бросить свою машину в чужой подворотне, не отогнав ее домой!

Мой провожатый галантно довел меня до моей бежевой «девятки», одиноко стоявшей посреди полутемного, пустынного двора, и снова предложил:

– В самом деле, давайте я вас отвезу. Уверяю – я нормально езжу. Машина у меня просто сломалась, а то бы я сюда на ней прикатил…

Но я никак не могла решить, что же делать.

– Знаете, давайте пока постоим здесь, – попросила я. – На свежем воздухе так хорошо…

Машинально я потянулась за сигаретой. Анатолий дикими глазами смотрел на то, как я закуриваю и с наслаждением затягиваюсь табачным дымом. Кажется, стоматолог сам никогда в жизни не курил.

– Так вы, значит, зубной врач? – не знаю зачем спросила я. Свежий воздух заметно прояснил мои мозги, так что даже язык перестал заплетаться. – Если не секрет, где именно?

– Клиника, в которой я работаю, называется «Тан-мед», – серьезно, почти торжественно объяснил Анатолий.

– Как? – изумилась я. – «Тан-мед»? Это по-китайски, что ли?

– Нет! – Анатолий неожиданно рассмеялся. – Просто таким образом переименовали медсанчасть завода «Тантал».

– Ах, «Тантал»! – теперь рассмеялась и я. – Этот завод я, конечно, знаю. Даже как-то бывала на нем. Разумеется, по делу. И давно вы там работаете?

– Да, – Анатолий кивнул. – Семь лет…

Почему-то мой собеседник заметно нервничал, сообщая эти сведения. Я отчетливо чувствовала, что его занимает какая-то мысль. Впрочем, я уже догадывалась, какая именно.

– Ну же, смелей! – вдруг сказала я, заглядывая ему в лицо. – Пусть я сейчас и пьяна в доску, но я же вижу…

– Что вы видите? – испуганно проговорил он.

– Что вы не просто так стоите сейчас рядом со мной и делаете вид, что вам вовсе не нужно домой. Давайте рассказывайте, какие у вас проблемы. Времени у нас с вами, в принципе, не так уж много. Еще минут пятнадцать, и я окончательно протрезвею. А тогда сяду за руль и поеду домой. Так что не тяните…

Анатолий продолжал дрожащими руками тереть свой лоб, словно собираясь с мыслями.

– Да, да, вы правы, – наконец торопливо заговорил он. – Я действительно не просто так здесь с вами стою. И на этот день рождения поперся не просто так… Тем более что я, знаете ли, теперь совсем не пью…

– А Гарик ваш давний знакомый? – поинтересовалась я по привычке вытягивать из людей сведения, даже толком не зная, пригодятся ли они мне потом для чего-нибудь.

– Нет, с ним я знаком лишь немного, – ответил Анатолий. – Меня сюда и привели-то только ради вас. Я об этом попросил одного своего старого друга…

– Так, ясно, – нетерпеливо сказала я. – Теперь к делу. Что у вас стряслось?

– Ну, понимаете… – Анатолий явно собирался с духом, готовясь рассказать мне свою историю. – Как я вам уже сказал, я стоматолог, работаю в клинике «Тан-мед». Так вот, сегодня в нашей клинике случилось ЧП – пропала партия золота. И я пришел просить вас это золото найти. Видите ли, – заговорил он уже торопливо, – эта история такого рода, что я не только не могу рассказать о ней в милиции, но даже своему работодателю не могу рассказать. То есть я хотел бы, чтобы вы нашли золото как можно скорее и мы вернули бы его на место, чтобы о его пропаже никто и не узнал…

Анатолий наконец умолк, выплеснув наболевшее. Некоторое время я сосредоточенно молчала, обдумывая полученную информацию.

– Так… Скажите, Анатолий, – заговорила, я, – а вы в курсе, какие у меня расценки?

– Что? – Он уставился на меня с нескрываемым изумлением. – Какие расценки?

– Ах ты, святая невинность! – воскликнула я, глядя ему в глаза. – Вам же объяснили, что я частный детектив.

– Ну и что?

– А то, что это милиции зарплату из госбюджета платят – или делают вид, что платят, – а частному детективу его труды оплачивает заказчик. Мои труды стоят двести баксов за каждый день расследования. Есть у вас такие деньги?

– Двести баксов – это шесть тысяч? – переспросил он.

– Приблизительно, – кивнула я. – Но вообще-то я предпочитаю получать «зелеными».

– Ну, шесть тысяч у меня найдется, – задумчиво сказал стоматолог, – чтобы оплатить вам один день расследования…

– А если расследование продлится не один день? – не без иронии спросила я. – Кстати, у меня правило брать предоплату за пять дней вперед.

– Через пять дней мне ваше расследование будет на хрен не нужно, – неожиданно резко заявил мой предполагаемый клиент. – Золото надо вернуть до завтрашнего вечера – к приезду нашего шефа. Если золота не окажется на месте в его сейфе, мне крышка.

– Да? – переспросила я заинтересованно. – И что он с вами сделает?

– Счетчик включит, наверное, – пожал плечами Анатолий.

– Ну вот и вернете найденным золотом, – преспокойно заметила я.

– Да нет! Нет! Нет!!! – истерический крик Анатолия был таким внезапным, что я вздрогнула и выронила в снег сигарету. – Золото должно быть возвращено завтра вечером. Если этого не произойдет, если главврач обнаружит пропажу, мне в любом случае крышка! Тогда мне никто – ни вы, ни сам господь бог – не поможет!

Я с изумлением смотрела на мужчину, так внезапно потерявшего над собой контроль. Признаюсь, эта история начала меня интересовать помимо обещанных за ее расследование денег. Впрочем, заинтересованность свою я решила пока не показывать.

– Ладно, успокойтесь, – небрежно сказала я, закуривая новую сигарету. Анатолий и без моих слов уже взял себя в руки и облокотился на капот моей бежевой «девятки», только руки его заметно дрожали. – Ну вот что, если мы с вами будем сотрудничать, то давайте, по крайней мере, как следует познакомимся. Мое имя вы знаете. А ваше?

– Анатолий Дмитриевич Ольховский, – глуховатым голосом заговорил мой собеседник. – Врач стоматологической клиники «Тан-мед», кандидат медицинских наук. Вот, кстати… – он полез в карман курки и извлек оттуда небольшой кусочек картона, – моя визитная карточка. Там указано все: и фамилия, и домашний адрес, и номер телефона.

– Хорошо, – сказала я, сунув визитку в сумочку. – А теперь расскажите детали. Как велика партия золота, как она упакована, откуда взялась в нашем городе…

– Партия в семь килограммов, – заговорил Анатолий. Я невольно присвистнула. – Ну да, немало! – не без горькой иронии заметил он ответ. – А вы как думали? Зря, что ли, я тут с ума схожу…

– Ладно, дальше… – хладнокровно оставила я его вздохи.

– Расфасовано золото в стандартные слитки по двести пятьдесят граммов, на каждом печать Государственного банка России. Уложены они в чемоданчик типа «дипломат» из кожи коричневого цвета…

– Что, золото хранится в обычном «дипломате»? – удивленно переспросила я.

– Ну, он только с виду обычный, – не без сарказма в голосе пояснил Анатолий. – Вроде дешевый, потертый в нескольких местах. Пожалуй, у этого чемоданчика такой вид, будто его где-то на мусорке подобрали.

– Нормально, – согласилась я.

– Да, но на самом деле у этого чемоданчика стенки сделаны из титанового сплава, его никакая пуля не берет и автоген не режет. И замки с секретом.

– Вы знаете код?

– Н-нет, – помялся Анатолий. – То есть да…

– Так да или нет?

– Понимаете, – он снова начал заметно нервничать, – мне не положено его знать. Но я случайно подглядел, как шеф открывал этот чемоданчик…

– И, оставшись с чемоданчиком наедине, тоже попробовали его открыть?

Анатолий нервно кивнул.

– Уверены, что золото настоящее?

– Ну, в общем, да, – отозвался он. – Хотя я особо не разглядывал.

– Так, понятно… – Я немного помедлила, прежде чем задать следующий вопрос. – Вы, кажется, сказали, что золотой чемоданчик хранился в сейфе у вашего шефа?

– Ну да, конечно, – зубной врач кивнул.

– Сейф находится в кабинете главврача?

– Разумеется!

– А скажите, если не секрет, – я пристально посмотрела в глаза Ольховскому, – с какой стати хранить золотой чемоданчик доверили вам?

– Так это же золото клиники! – воскликнул Анатолий с самым честным видом. – Шеф на некоторое время уехал в Берлин, хранить ценности доверил мне. Я же один из ведущих специалистов клиники. Понимаете, это золото для зубных протезов, для золотых коронок.

Я удивилась:

– Что, все семь килограммов? Я слышала, что теперь золотые коронки выходят из моды, даже «новые русские» предпочитают ставить себе фарфоровые зубы…

– Ну почему? Вовсе нет, – возразил Ольховский. – У нас масса заказов на золотые коронки.

– Ну ладно, – сказала я, решив не спорить с ним в этом вопросе. – А когда вы обнаружили пропажу?

– Сегодня утром, около девяти часов… Пришел на работу и первым делом заглянул в сейф.

– Вы что же, постоянно лазите в сейф своего шефа? – удивилась я.

– Разумеется, – ничуть не смутился зубной врач. – Я ведь замещаю его. И ключ от сейфа у меня есть, и код его я знаю. В сейфе, помимо чемоданчика, еще кое-какие документы лежат, деньги на зарплату врачам, оборотные средства…

– Так, ясно, – нетерпеливо прервала я его. – Когда последний раз вы видели чемоданчик?

– Вчера вечером, перед уходом с работы, – отвечал Анатолий. – Я убирал в сейф документы и видел – чемоданчик был на месте.

– Уверены?

– Разумеется! Его трудно было бы не заметить.

– Следов взлома сейфа не обнаружили?

– Ни малейших, – сказал убежденно Ольховский. – А как открыл дверцу, сразу увидел, что в сейфе стало как-то странно просторно, потому и заметил пропажу.

– Так, ясно, – сказала я. – Значит, времени у нас до завтрашнего вечера…

– Точнее, до шести часов, – сказал Анатолий. – В восемнадцать часов с минутами прибывает на вокзал берлинский поезд, на котором приедет шеф. И я знаю его характер – он с вокзала сразу попрется в клинику. Посмотреть, все ли там нормально.

– Ладно, хорошо, – сказала я, затаптывая очередную сигарету в снег. – Попробую что-нибудь для вас сделать. А сейчас… – Я устало вздохнула. – Кстати, не хотите, чтобы я вас до дома довела? Вы где живете?

– На улице Вишневой…

– М-да, приличное расстояние отсюда! А теперь, в первом часу ночи, никакой транспорт не ходит.

– Спасибо, но только… – Он замялся. – Послушайте, мы что же, теперь едем домой?

– Разумеется! – Я посмотрела на Ольховского недоумевающе. – Я же объяснила: мне нужно отдохнуть… Да вы что, сами не видите, в каком я состоянии?

– Вижу, но… – Он снова замялся. – А разве зуб у вас больше не болит?

– Нет. А что?

– Я просто подумал, может быть, имеет смысл заехать в клинику, подлечить ваш зуб… Клиника наша работает круглосуточно, там сейчас есть два дежурных врача. Или, если хотите, я сам займусь вашим зубом.

Я нервно вздохнула: в теперешнем моем настроении и состоянии садиться в зубоврачебное кресло…

– Понимаете, – снова заговорил Ольховский, догадываясь о причине моего молчания, – я подумал, что вам в вашем расследовании времени даром терять нельзя. И чем раньше вы осмотрите место происшествия, тем лучше.

– Какое место происшествия? – не поняла я.

– Ну, сейф, из которого выкрали чемоданчик. И весь кабинет главврача в целом. У меня есть ключ, я вас проведу…

Он вытащил из кармана связку ключей. Даже при свете уличных фонарей я увидела, что ключи были фирменные, с очень замысловатой бороздкой, а на ручке у каждого имелось клеймо мастера в виде каких-то завитков и букв. Только не разглядела, каких именно.

– Ах нет, – сказала я, отрицательно качая головой. – Кабинет главврача мне совершенно незачем осматривать. Если там и есть отпечатки пальцев, то мне они ни к чему. Я не так работаю…

– Не так? – разочарованно и как-то озабоченно переспросил зубной врач. – Как же вы тогда собираетесь искать золото?

– Поспрашиваю у знакомых, – спокойно отвечала я. – Да вы не беспокойтесь, искать буду я, это не ваши проблемы. Если я берусь за дело, значит, есть шансы на успех. Поверьте, я беру со своих клиентов большие деньги не просто так…

Однако было заметно, что Ольховский очень озадачен и даже напуган тем, что я сказала. Он некоторое время рассеянно смотрел в сторону, напряженно поджав губы.

– Послушайте, да вы не берите в голову! – ободряюще сказала я. – Уж поверьте мне, я лучше знаю, как искать пропавшую вещь. Кстати, мы тут уже полчаса стоим и разговариваем. Вам что, домой не нужно?

– Нужно, нужно, – рассеянно пробормотал он, обходя мою машину. – Послушайте, – Ольховский нерешительно оглянулся на меня, – может быть, лучше все-таки я сяду за руль?

– Нет, Анатолий, – твердо заявила я. – Себе я даже в пьяном виде доверяю больше, чем вам в трезвом. Да вы садитесь, не бойтесь. У меня уже достаточно прояснилась голова, так что доедем нормально…

В пути он не произнес ни слова, видимо, не хотел отвлекать меня от дороги. Я чувствовала себя совсем как обычно, только временами, при торможении, мне казалось, будто сиденье как-то странно проваливается подо мной, а на поворотах будто бы машину уводит в сторону более, чем обычно. Все-таки хорошо, что в этот поздний час улицы были пустынны.

Доехав до улицы Вишневой, я повернулась к своему пассажиру:

– Ну что, далеко отсюда до вашего дома?

– Нет, нет, спасибо, здесь рядом. – Он открыл дверь и выбрался из машины. – Вы поезжайте, а я пройдусь немного пешком…

– Как хотите, – несколько обиженно отвечала я, понимая, что он попросту не доверяет моим водительским способностям в узком пространстве небольшой улицы. – Завтра во второй половине дня я вам позвоню. – Ольховский послушно кивнул. – А что касается оплаты… Если я найду ваш чемоданчик, с вас, как договаривались, двести баксов. А не найду, то ничего вы мне не должны. Ну что, договорились? Тогда до завтра…

Поглядев, как Ольховский торопливым шагом отправляется в сторону скопления разномастных жилых домов, которыми был застроен этот район, я снова завела мотор и тронулась в путь, на сей раз к себе домой. Вообще-то я знала, что криминальные элементы нашего общества ложатся и встают поздно, и я вполне могла бы сейчас застать большую часть из них в определенных, излюбленных ими местах, которые я неплохо знала. Но сама я пребывала далеко не в форме, голова моя лишь частично прояснилась, и более всего на свете мне был необходим сон. Кроме того, если перепродажу украденного золота преступники осуществляли по заранее намеченному каналу, я все равно уже опоздала. На такой спасительной мысли я окончательно успокоилась, а потому решила ехать домой и лечь спать. Как говорится – утро вечера мудренее.

* * *

Однако нормально поспать мне не удалось – разбудили телефонные звонки. Сначала начал занудно пищать мобильник, который я сдуру забыла отключить, потом зазвонил домашний телефон. Затем наступила короткая пауза, после чего вся эта музыка возобновилась снова. Так продолжалось несколько раз, прежде чем мое сознание выпросталось из глубин похмельного сна и захотело функционировать. Тщетно я надеялась, что возмутитель моего спокойствия потеряет терпение и отвяжется, и в конце концов сползла с постели и взяла трубку домашнего телефона. Попутно глянула на часы – было самое начало седьмого часа утра.

– Алло?

– Татьяна? Это Володя Кирьянов. Извини, что разбудил…

Я почувствовала большое желание выругаться: принесла его нелегкая! Человек, который, словно парнишка, сам себя называл «Володя Кирьянов», но откликался еще и на прозвище Киря, на самом деле был подполковником милиции. Старый мой приятель, как и Гарик Папазян, только, в отличие от последнего, Киря об интимных контактах со мной не мечтал. Так что его звонок в такую рань ко мне домой едва ли предвещал что-нибудь личное.

– А, Киря… – сказала я, зевая и потягиваясь. – Привет, рада тебя слышать! – Это была гнусная, лицемерная ложь, но ведь в жизни то и дело приходится лгать, от этого никуда не денешься. – Как у тебя дела?

– Нормально, – голос Кири звучал бодро и по-деловому. – Слушай, Таня, тебе фамилия Ольховский что-нибудь говорит?

– Абсолютно ничего, – сказала я, не совсем еще проснувшись. – А что?

– Ты уверена? – Киря был требователен и серьезен. – Ольховский Анатолий Дмитриевич, лечащий врач стоматологической клиники «Тан-мед»…

– Что «Тан-мед»? – Я вздрогнула, мгновенная догадка кольнула сонное сознание. – Ой, Киря, постой, погоди минуту. Я сейчас…

Я кинулась к своей сумочке, торопливо вытряхнула на стол ее содержимое. Отыскала визитку, которую дал мне накануне ночью зубной врач Анатолий. Что ж, все сходилось – моего вчерашнего заказчика и правда звали Ольховский Анатолий Дмитриевич. И как это я забыла? Ведь он же называл свое имя, когда мы разговаривали возле машины!

Я снова взяла в руки трубку телефона.

– Алло, Киря? Да, я знаю его…

– Вот как? Очень хорошо, что созналась!

– Киря, что случилось?

– Приезжай на Вишневую улицу, узнаешь… У тебя его домашний адрес есть?

– Киря, перестань садюжничать! – Тревога все больше и больше овладевала мною. – Говори, что произошло…

– Ольховский найден сегодня утром мертвым возле дверей своей квартиры.

– Что? – Я почувствовала, что у меня задрожали колени.

– Да, два пулевых ранения, в голову и в живот. Приезжай, посмотри. Только имей в виду: ты в числе подозреваемых. Разве не ты последняя видела его живым?

Киря ждал ответа. Я же молчала, чувствуя, что комок застрял у меня в горле, и я никак не могла проглотить его, чтобы сказать хоть слово.

Глава 2

Лицо мертвого Анатолия Ольховского было совершенно спокойным, глаза закрыты. Значит, он не мучился, умирая. Хоть это было отрадно. Стоявший рядом со мной Киря, он же подполковник милиции Кирьянов Владимир Сергеевич, внимательно наблюдал за мной.

– Кто его нашел? – осторожно спросила я его.

– Сосед, – мой стариннейший друг отвечал, как всегда, с готовностью. – Он рабочий, шел на утреннюю смену около пяти утра, наткнулся на тело. Ну, пока нас вызвали, туда-сюда…

– А как ты на меня вышел?

– Элементарно, – Киря пожал плечами. – Жена убитого сказала, что он отправился на день рождения к Гарику Папазяну. Мы и не поверили сначала, что все так просто. Как, кстати сказать, там у него было? Я не смог к нему попасть, на дежурство как раз заступил…

– Нормально было, – отвечала я. – Посидели, повеселились… Наелись, напились, разошлись…

– Ну да, – Кирьянов кивнул, – наш Гарик умеет устраивать все как надо. Народу много собралось?

– Полно… – Признаться, в тот момент у меня не было ни малейшего желания распространяться о том, как прошел день рождения Папазяна.

– И убитого ты там видела?

– Видела.

– А это правда, что Ольховский ушел с тобой вместе и вы были самыми последними гостями, покинувшими квартиру Папазяна? Гарик говорит, что ты была никакая, и он вызвался тебя провожать…

– Правда, – со вздохом сказала я. – Все именно так и было…

Мгновение Кирьянов внимательно смотрел на меня прямо в глаза.

– Тебе это не показалось странным? – спросил наконец он.

– Я была пьяная вдрызг…

– И он тебя повез до дома на твоей машине?

– Я сама его отвезла, – возразила я. – Ты же знаешь, я никому не доверяю садиться за руль моей машины… Довезла его до Вишневой и высадила на проспекте около часу ночи…

– Верно, – согласился Кирьянов. – Врач говорит, что примерно в это время его и убили.

– Значит, ждали в подъезде?

– Значит, ждали, – согласился Киря.

– Разумеется, никто ничего не слышал и не видел?

– Разумеется. Стреляли, по-видимому, из пистолета с глушителем… Дураку ясно, что профессионалы сработали.

– Только как эти профессионалы могли знать, что их жертва сейчас не дома, а на дне рождения и ее нужно ждать допоздна? – поинтересовалась я.

Тут Киря задумался.

– Да мало ли, – сказал наконец он. – Может, следили за ним…

– Следили – это одно, ждали в подъезде – совсем другое. Если следили, почему не застрелили около дома? Улица-то пустынна в такое время. И подкараулить на улице проще, чем в подъезде…

– А ты что, сама ничего не видела, когда его высаживала?

– Ничего, – сказала я. Сознаваться, что у меня едва хватало сил следить за дорогой, никак не хотелось, и я сменила тему, начав строить предположения: – Вообще-то, узнать, как долго Ольховского не будет дома, можно было, просто позвонив к нему на квартиру и спросив у жены. Ей в тот вечер никто не звонил, не спрашивал про мужа?

– Эх, черт, а я и не уточнил, – смущенно пробормотал Киря.

– Стареешь, начальник, – усмехнулась я.

– Ладно, Татьяна, проходи в квартиру, – он толкнул одну из выходящих на лестничную площадку дверей. – Побеседуем с родственниками погибшего вместе.

* * *

Беседовал с женой убитого зубного врача поначалу все-таки один Киря. Я стояла рядом и молча слушала, как жена Ольховского, молодая, но рано начавшая увядать женщина с явно утомленным и заплаканным лицом, рассказывала подполковнику, что накануне вечером какой-то незнакомый мужчина действительно звонил по телефону и спрашивал, когда придет ее муж. Она ответила ему то, что было на самом деле: что не знает, но, скорее всего, поздно. Незнакомец еще спросил, куда именно ушел ее муж, и, узнав, что на дружеское застолье, удовлетворился полностью и положил трубку.

Сама я в это время думала, что же мне теперь делать. Расследование, порученное мне Ольховским, теперь, по причине смерти клиента, стало быть, отменялось. Убийство, судя по почерку, заказное, и действовали профессиональные киллеры. Значит, Киря, как ни будет стараться, ничего не найдет, как и любой другой на его месте. Так что мне лучше не соваться в эту историю. Да и зачем? Изображать спасителя рода человеческого? Это не в моих правилах, да и лишний конфликт с криминальными структурами иметь не хотелось. Тогда чего ради я стою и выслушиваю, как Кирьянов в очередной раз задает жене Ольховского свои обычные ментовские вопросы: не было ли у потерпевшего врагов, не получал ли он каких-либо угроз, какие взаимоотношения у него были с сослуживцами… Ответы Кирьянов получал ровным счетом ничего не говорящие, не дающие какой-нибудь мало-мальски важной зацепки в этом деле.

– Ну, ясно, – со вздохом сказал Кирьянов, опечаленный итогом разговора. – Тем не менее имеет смысл поговорить с соседями и сослуживцами… Возможно, они знают что-нибудь путное.

Я кивнула: конечно, эта работа в самый раз для нашего Кири – расспрашивать у соседей, кто что видел или слышал. Мне от одной мысли о такой работе становилось тоскливо на душе.

– А Анатолий Дмитриевич никогда не жаловался вам, что на работе у него проблемы? – неожиданно для самой себя спросила я.

– Нет вроде бы…

– И отношения с его шефом, главврачом клиники «Тан-мед», до сих пор никак не осложнялись?

– С Николаем Пантелеймоновичем? Нет, что вы! – Тут жена Ольховского улыбнулась. – Они всегда были в наилучших отношениях.

– Дружили?

– В принципе да. Вот сегодня… – Жена Ольховского вдруг умолкла, странно потупилась, вздохнула, и я заметила, что у нее из глаз вдруг закапали слезы.

– Ну что вы, успокойтесь… – Как всегда, Киря заметно терялся перед выражением человеческого горя. А ведь в его работе горе проще игнорировать, чем сочувствовать ему.

– Сегодня, – продолжала жена Ольховского сквозь слезы, – Толя должен был ехать на вокзал встречать его. Николай Пантелеймонович еще и не знает ничего…

– А куда ездил шеф клиники? – спросила я.

– В Берлин, – всхлипывая, проговорила жена Ольховского, – на международный конгресс стоматологов, Николай Пантелеймонович делал там доклад. Он звонил нам вчера днем, сказал, что все прошло успешно, что участники конгресса ему очень долго аплодировали…

– По телефону с ним разговаривал Анатолий Дмитриевич?

– Разумеется! – От удивления жена Ольховского даже перестала всхлипывать и уставилась на меня во все глаза. – А кто же еще?

– Ваш муж не завидовал Николаю Пантелеймоновичу, что тот едет в Берлин, а он остается дома?

– Нет, что вы! – Взгляд жены Ольховского стал еще более удивленным. – Чему тут завидовать? И потом, в Германию мы с Толей регулярно ездим… То есть ездили, – поправилась она испуганно, и из глаз ее снова полились слезы.

– Скажите, – заговорила я, подождав, пока женщина возьмет себя в руки, – а вы уверены, что с вашим мужем не происходило ничего необычного в последние дни? Может быть, он выглядел особенно озабоченным или утомленным, жаловался на какие-нибудь неожиданные проблемы? Или говорил вам что-то такое, чего раньше не было…

Жена Ольховского задумалась.

– Говорил! – с готовностью подтвердила она. – Толя говорил мне, что скоро случится в его жизни нечто… И мы или сильно разбогатеем, или… я не знаю что…

– Что? – не выдержал Кирьянов.

– Он так и не сказал мне ничего более. Он не был скрытным со мной, скорее наоборот, но в этот раз, как я ни старалась, ничего определенного не смогла от него добиться. Толя либо отмалчивался, либо отшучивался.

Кирьянов кивнул. Вид у него был разочарованный.

– Он никогда не упоминал при вас о чемоданчике? – спросила я. – Таком небольшом, типа «дипломат», обитом темно-коричневой кожей, довольно потертом на вид…

– Чемоданчик? – Жена Ольховского смотрела на меня изумленно. – Нет, про чемоданчик Толя ничего не говорил… С какой стати? И почему вы спрашиваете?

– Да так, – отвечала я неопределенно. – Может быть…

– Толя не упоминал про этот чемоданчик, – подчеркнула жена Ольховского. А затем вдруг добавила: – Но он приносил его домой. Как раз такой, какой вы описываете: коричневый, небольшой, типа «дипломат»…

– Приносил? – переспросила, ошалев от неожиданности, я. – Вы в этом уверены?

– Разумеется! Я сама его видела.

– И что было в этом чемоданчике? – недоумевая по поводу моего поведения, спросил Кирьянов.

– Не могу сказать, – отвечала жена Ольховского. – Он был какой-то невероятно тяжелый, я чуть не надорвалась, когда попыталась его поднять. Ногу я об него ушибла, зацепившись в темноте…

– В темноте? – перебила, еще больше удивившись, я.

– Ну да, Толя в прихожей его оставил…

– Однако что же на самом деле было там? – нетерпеливо спросил заинтересовавшийся Кирьянов.

– Не знаю… – Ольховская неопределенно пожала плечами.

– Но вы же ведь заглянули внутрь… – Киря не то задал вопрос, не то констатировал факт.

– В том-то и дело, что нет! – воскликнула хозяйка дома. – Там оказались замки с секретом, цифровой код нужно знать, чтобы их открыть.

– А вы бы спросили у мужа номер кода, – предположила я, – да сами бы и открыли…

– Толя не разрешил мне этого делать! – проговорила Ольховская, отрицательно качая головой. – Я спросила было у него, что там такое в чемоданчике, но он так рассердился, что я вообще чемоданчик в руки взяла. Принялся ругаться, понес чемоданчик прочь из прихожей…

– Это было странно? – с чуть заметной иронией в голосе спросил Кирьянов.

– Разумеется! Толя – человек вежливый, мягкий, воспитанный. Он никогда и голоса-то не повышал…

– Кроме как из-за того чемоданчика, – закончила я. – И он вам не объяснил, что в нем и зачем он такую тяжесть домой притащил…

– Нет, конечно.

Я немного помолчала, соображая. Володя Кирьянов смотрел на меня озадаченно и настороженно.

– А что дальше сталось с этим чемоданчиком? – спросила я.

– Толя унес его, – последовал быстрый ответ. – Буквально на следующий день и унес…

– Вы это так хорошо запомнили? – вклинился с вопросом Кирьянов.

– Конечно! Он же оставил чемоданчик в прихожей, а я на него наткнулась ночью случайно… Было так больно…

– Когда все это произошло? – спросила я. – Когда ваш муж принес домой этот чемоданчик?

– Дня четыре назад, – отвечала жена Ольховского. – Вечером он принес его откуда-то, а на другой день утром унес. А что? Думаете, все произошло из-за этого странного «дипломата»?

Я неопределенно пожала плечами, мол, откуда мне знать? Повернулась к Кирьянову, как бы передавая ему эстафету разговора. Но Киря смотрел на меня внимательно и подозрительно. О, я хорошо знала этот Кирин взгляд!

* * *

Допрос жены Ольховского дальше не продолжился. Какой-то молодой и совершенно незнакомый мне оперативник сел составлять протокол и записывать показания Ольховской. Мы же с Кирьяновым молча вышли из квартиры, пересекли лестничную площадку, где все еще лежало тело убитого стоматолога, теперь накрытое черным полиэтиленом, и спустились вниз, на улицу. Остановились, выйдя из подъезда, возле моей бежевой «девятки», оглядываясь по сторонам и с наслаждением вдыхая утренний морозный воздух.

– Ну, Танечка? – начал мой ментовский друг. – Давай не молчи. Колись…

– Ты о чем, Киря, родной?

– Как о чем? – Киря стал заметно заводиться. – Ты что, держишь меня за идиота? Сейчас будешь утверждать, что ты из чистого любопытства задавала жене убитого все эти вопросы?

– Буду, дорогой, – невозмутимо отвечала я.

Кирьянов нервно выдохнул воздух, попытался заглянуть мне в глаза.

– Танечка, милая, скажи, на тебя уголовное дело когда-нибудь заводили?

– Нет, Киря, хороший мой, мне чаще обещали по морде дать. А ты почему спрашиваешь?

– Да так, – Киря отвернулся, – просто подумал, когда-нибудь же надо начинать. А что? Повод подходящий – убийство. Улики есть, тебя видели с убитым последней…

– Мотив, начальник? – невинно спросила я. Затем не спеша полезла в карман, вытащила сигареты и стала прикуривать.

Солнце в середине марта уже довольно рано показывается из-за горизонта, и теперь, в восьмом часу утра, оно висело довольно высоко. Подъезд дома, возле которого мы стояли, находился как раз с восточной стороны, и его заливало потоками ослепительного утреннего света. Стоять и купаться в солнечных лучах было необычайно приятно, особенно ощущая, как пощипывает кожу морозный утренний воздух.

– Ужасно как портит людей служба в органах, – с печальным вздохом сказала я, выпуская облачко сизого табачного дыма. – Мы, Киря, между прочим, с тобой стариннейшие друзья, сколько дел вместе распутали, в скольких переделках побывали… И вот теперь ты собираешься завести на меня уголовное дело, быть может, даже посадить меня в СИЗО… И все без малейшей, сколько-нибудь серьезной улики!

– А что я еще должен делать? – ожесточенно спросил он. – С меня будут требовать, чтобы я раскрыл это преступление!

– Так ведь чтобы раскрыл, Киря! – сказала я с упреком. – То есть чтобы нашел действительно виновных, а не козла отпущения!

Кирьянов насупился и молчал с сердитым видом, не глядя в мою сторону.

– Я хочу знать то, что знаешь ты, – упрямо заявил он.

– А зачем? – возразила я. – Разве у тебя мало своих проблем? У тебя же наверняка лежит на столе заявление от какой-нибудь бабы Маши, у которой из погреба сперли банку соленых огурцов. Или есть в производстве дело на пьяницу и бомжа дядю Витю, который во время распития алкогольных напитков кого-то укаекал бутылкой по башке. Ну? Чем не поле деятельности? Расследуй сколько хочешь! А убийством Ольховского, уж позволь, займусь я сама.

– Ты? Займешься убийством Ольховского? – Кирьянов с такой неожиданной радостью и облегчением воскликнул это, что я не удержалась, прыснула в кулачок. Вот тебе и грозный подполковник милиции!

– Ну, если честно, то я еще не решила, – сказала я осторожно. – Я так понимаю, ты же мне не заплатишь по двести баксов за день расследования?

– Я тебе дам Почетную наградную грамоту «За помощь милиции», – пресерьезно отреагировал на мой ехидный вопрос Киря.

– Можешь ее повесить у себя в туалете, – спокойно возразила я. – Потому что я в своем всякую ерунду на стены не вешаю.

Киря тут же надулся и отвернулся. Стоя сбоку, я видела, как его лицо заливает краска. Я искренне жалела, что произнесла эти чересчур обидные слова. Ведь знаю же, что для Кирьянова честь его ведомства вовсе не пустой звук и что он искренне радуется успехам милиции и серьезно переживает ее неудачи. Однако что сказано, то сказано, и моему другу-подполковнику оставалось только одно: злиться на меня от всей души.

– Впрочем, я и правда еще ничего не решила, – сказала я, будто не замечая настроения Кирьянова. – В этом деле есть определенная зацепка, одна ниточка, которую я хочу попробовать раскрутить. Но только потому, что мне самой интересно узнать все мотивы этой истории. Если дело зайдет в тупик, ломать себе из-за нее голову я не собираюсь. Тем более – даром.

– Ладно, поступай как хочешь. Но сделай хоть что-нибудь! – крикнул Кирьянов мне вслед, наблюдая, как я сажусь в свою бежевую «девятку», чтобы отправиться домой. – Звони, если что… Я на тебя очень надеюсь!

В ответ я помахала Кирьянову рукой, отъезжая от подъезда дома, где жил и где этой ночью был убит зубной врач Анатолий Дмитриевич Ольховский.

* * *

Вернувшись домой в девятом часу утра, я без сил плюхнулась на диван. Шевелиться не хотелось ни под каким видом, в голове накипала неприятная, хорошо знакомая тяжесть, как это всегда бывает от недосыпания после слишком бурно проведенного вечера. Я осторожно протянула обе руки вперед, развела пальцы: так и есть, дрожат. А мысль в голове была одна-единственная: почему я так часто оказываюсь в центре криминальных происшествий? Работа у меня такая, что ли? Или мне просто везет?

Я вспомнила взгляд, которым подполковник милиции Кирьянов сегодня смотрел на меня, – очень нехороший, типично ментовский взгляд. Недоверчивый, как у великого инквизитора. Конечно, нас с Кирей связывает многое, и его две больших звезды на погонах, скажу без ложной скромности, получены в том числе и благодаря моим усилиям. Только, несмотря на это, чертов мент все равно мне до конца не доверяет. Чуть что, малейшая оплошность с моей

стороны, и он без угрызений совести засадит меня в СИЗО как подозреваемую. Так что как ни крути, а в целях собственной безопасности убийство зубного врача Ольховского хорошо бы раскрыть…

«Полнейший идиотизм!» – воскликнула я с горечью.

В сильном волнении я встала с дивана и принялась расхаживать по комнате. Это же заказное убийство, черт возьми! Я расследовала подобные убийства по чьей-то просьбе и знаю не понаслышке, как опасно лезть в такую кашу. Здесь же меня никто ни о чем не просил, клиента и на горизонте не видно, денег мне никто не заплатит… Так за каким чертом мне тратить силы и время, подвергать опасности свою жизнь?

И тут я подумала, что напрасно бесплодно ломаю голову и отхожу от своей давней привычки – в неясных ситуациях спрашивать совета у судьбы. В самом деле, интересно, что она скажет: стоит мне ввязываться в эту историю или нет. А беседую я с судьбой при помощи трех гадальных костей, делая многозначительные выводы из выпадающих комбинаций трех случайных чисел.

Я вытащила из своей сумочки черный замшевый мешочек, в котором хранила три выточенных из настоящей слоновой кости двенадцатигранника с цифрами на каждой из граней. Извлекла косточки на свет божий и некоторое время по привычке любовалась ими. Энергетика бесчисленных гаданий так или иначе запечатлелась на них, подобно магнитной ленте, мои верные магические помощники хранили всю информацию, только, в отличие от магнитной ленты, с возрастом становящейся совершенно ни на что не годной, у косточек с каждым годом контакт со мной устанавливался не труднее, а, наоборот, легче и полнее.

Сжав двенадцатигранники в кулаке, я попыталась сосредоточиться. Нумерология – мой конек. С помощью вот этих костей я определяла многое, помощь в работе они оказывали мне неоценимую. Если уметь правильно гадать, узнать можно практически все, что угодно. Кроме непосредственно связанных с делом фактов, конечно. Имени убийцы кости никогда не назовут, нечего и спрашивать, но дать зацепку по его поиску очень даже могут. Только надо очень хорошо сосредоточиться, когда кидаешь кости, и заранее придумать вопрос, на который хочешь получить ответ. Бросать кости наобум не просто глупо, но и весьма опасно. Гадание не шутка, с его помощью можно в том числе и накликать несчастье на собственную голову.

Итак, что же мне спросить у потусторонних сил? Конечно, кто именно спер у Ольховского чемоданчик с золотом и убил стоматолога, кости не скажут, это ясно. Можно спросить, как связаны эти два преступления, и получить какой-нибудь намек. Но я решила, что это, пожалуй, тоже не дело. Скорее всего, самым умным будет спросить, стоит ли мне вообще соваться в расследование. Что опаснее, быть под подозрением у подполковника милиции Володи Кирьянова или на мушке у неизвестных бандитов, угрохавших Ольховского? Не лучше ли мне наплевать на расследование и заняться чем-нибудь более безопасным? В конце концов, от Кири я всегда смогу отвертеться, а вот удастся ли мне такое с криминальными элементами, неизвестно. Пожалуй, это неплохой вопрос. Хотя, наверное, можно придумать что-нибудь и получше…

Додумать свою идею я не успела, потому что в тот момент зазвонил квартирный телефон, и я, небрежным жестом положив, почти бросив кости обратно на стол, пошла брать трубку.

Звонок оказался ложным: какой-то, судя по голосу, не совсем трезвый гражданин спрашивал, не здесь ли живет Коля. Я уверила его, что нет, но от пьяного дядечки было не так-то просто избавиться. Наконец, положив трубку и вернувшись к столу, я машинально глянула на лежащие там кости и замерла на месте. Магические двенадцатигранники четко и недвусмысленно демонстрировали комбинацию 20+25+5, я и без книжки с расшифровками помнила, что она означает: «Не слушай его, он блефует».

Что за бред! Кто блефует? Ведь я же еще ни с кем не разговаривала по этому делу! Я устало вздохнула и опустилась на диван рядом со столом, на котором лежали косточки, продолжавшие нагло, словно смеясь надо мной, показывать все ту же нелепую комбинацию: 20+25+5.

Дело в том, что в нумерологии, как, впрочем, и во всяком другом гадании, существует правило: не «перегадывать». Раз выдавшие определенное сочетание кости не следует бросать повторно – такое гадание не только не будет иметь магической силы, но и может принести несчастье гадающему. А я, как дура, услышав телефонный звонок, машинально, даже не подумав, швырнула кости на стол! Вот и решай теперь, был мой бросок гаданием или не был! А если был, то как понимать выпавшее сочетание? Тяжело вздохнув и в душе немного посетовав на нелегкую долю прорицателя, я убрала гадальные кости обратно в замшевый мешочек, где они хранились, пообещав себе, что в следующий раз, решившись гадать, я буду осмотрительнее.

Я пошла на кухню, сварила кофе. Блаженно вдыхая благородный аромат натурального напитка, я вытащила из пачки сигарету, закурила. Кофе с сигаретами всегда наилучшим образом стимулировали мои мыслительные способности, а сейчас мне как раз необходимо было как следует подумать. Итак, имелось ограбление. И имелось убийство. Оба преступления лучше всего было бы расследовать вместе, потому что я не могла не предположить, что они как-то между собой связаны. Скорее всего, разгадку этой связи следует искать в личной жизни и ближайшем окружении Ольховского. А что касается золота… В то, что оно может всплыть на черном рынке скоро, в ближайшие часы, я не верила, впрочем, позвонить и выяснить это было нетрудно, хотя и хлопотно.

Я осторожно, мелкими глотками стала прихлебывать кофе, что доставляло мне редкое наслаждение. Странная все-таки складывалась история: Ольховского сначала ограбили, а потом убили, причем и то и другое сделали очень профессионально, так, что никто ничего не заметил. Спрашивается, почему так? Если бы Ольховского ограбили и убили сразу, это было бы… мм… нормально, так сказать, и выглядело бы вполне объяснимым. Но почему у него сначала утащили чемоданчик с золотом, а только потом, через несколько часов, когда, казалось бы, ограбленный Ольховский успел уже разболтать все, что можно, если бы хотел разболтать, убили? Это было непонятно. И сколько я ни напрягала мозги, ни пыталась придумать объяснимую версию происшедшего, у меня ничего не получалось. Впрочем, решила я, дело сыщика – искать, а не фантазировать. Поэтому я теперь должна не сидеть дома, предаваясь бесплодным размышлениям, а отправиться собирать факты.

Языком я осторожно пощупала больной зуб у себя во рту. Покойный Ольховский был прав: там и дырочка очевидна, и десна припухла. От горячего кофе зуб снова начал ныть, причем, как мне казалось, с каждой минутой все сильнее и сильнее. Ну вот, чем не повод посетить инкогнито стоматологическую клинику «Тан-мед»? Задавать наводящие вопросы я умею, а заявиться с больным зубом, чтобы порасспросить ближайшее окружение Ольховского, лучше повода не придумаешь. Это и будет моей первой зацепкой в расследовании.

Во-вторых, думала я, надо будет попытаться поспрашивать насчет чемоданчика с золотом. Гарантий, что я что-то узнаю, никаких, но шанс, что таинственный чемоданчик где-нибудь да всплывет, остается. Для этих целей у меня был один хороший знакомый – Костя Виноградов, с которым мы познакомились в секции карате, когда я обучалась этому виду спорта бог знает уже сколько лет назад. Виноградов был определенно связан с криминальным миром и мог много выяснить, просто позвонив кое-кому из своих знакомых по телефону. Тогда как мне ради того же самого пришлось бы все ноги в кровь сбить, прежде чем найти хоть какую-нибудь зацепку.

И в-третьих, надо бы позвонить домой Гарику Папазяну. Именно он притащил Ольховского знакомиться со мной. Надо узнать про Ольховского все, что только знает о нем Гарик.

Залпом выпив оставшийся кофе и встав из-за стола, я направилась к своему домашнему телефону и набрала номер Папазяна.

– Да… Алло… – голос у Гарика был хрипловатый и звучал сонно. Кажется, вчерашний именинник лучше меня и Ольховского провел время после застолья.

– Гарик, это я…

– А, привет, Татьяна, – в его голосе я не услышала ни удивления, ни досады.

– Гарик, ты в курсе происшедшего с Ольховским? – без подготовки, в лоб спросила я.

– Конечно, да, – Гарик Папазян тяжело вздохнул. – Меня Киря сегодня утром уже достал с расспросами: как да откуда я его знаю… А я и ему сказал, и тебе говорю: не знаю я его совсем. Понятно?

– Не знаешь? – От удивления я почувствовала большое желание на что-нибудь сесть, ощутив слабость в ногах. – Но как же так…

– А вот так! – отрезал мой друг-мент армянского разлива. – Не знаю, и все!

Я, честно говоря, даже несколько растерялась. Ситуация выходила какая-то совершенно абсурдная.

– Но ведь Ольховский был у тебя на дне рождения!

– Да, был, – не стал спорить Папазян. – Тебе какое дело?

Я почувствовала досаду и раздражение. Один за другим мои ментовские приятели начали обращаться со мной чересчур презрительно и подозрительно, и это стало меня определенно утомлять.

– Короче, Гарик! – резко сказала я. – Перестань делать из меня дурочку! Я желаю знать об Ольховском все, что знаешь о нем ты!

– Я тебе в третий раз говорю: я ничего о нем не знаю! – судя по тону, Гарик тоже был сильно на взводе. – Вчера на своем дне рождения я увидел его впервые в жизни!

– Допустим, – не стала спорить я, догадываясь, что на сей раз мой ментовский друг говорит правду. – Но тогда я хочу знать, кто привел его к тебе в дом. Ведь тот, с кем Ольховский к тебе пришел, должен был быть твоим хорошим знакомым, не так ли?

– Конечно, да, – не совсем уверенно подтвердил Папазян. – Я не Крез какой-нибудь, чтобы у себя за столом людей принимать, которых даже по имени не знаю!

– Вот, Гарик, и замечательно! – подбодрила его я. – Теперь вспомни, пожалуйста, кто к тебе привел Ольховского.

Некоторое время в трубке слышалось только напряженное сопение. Наконец Гарик вздохнул и произнес:

– Ах да… ну, этот… черт, как же его зовут-то…

Нет, как ни крути, а Гарик Папазян был настоящий Крез!

– Ну же, Гарик! – подтолкнула я его мыслительный процесс.

– Да нет, не помню я, – наконец сознался он. – Тот, кто ко мне его привел, замки мне на даче делал по знакомству. Великолепнейший специалист, мастер золотые руки. Кстати сказать, рекомендую…

– И ты пригласил к себе на день рождения простого слесаря только за то, что он сделал тебе замки на даче?

– Так меня же об этом сам Евгений Маркович попросил!

– Какой еще Евгений Маркович? – теряла всякое терпение я.

– Как какой? Шмуйлович! Из отдела стандартизации.

Признаюсь, я не знала никакого Шмуйловича из отдела стандартизации. Однако это была хоть и тоненькая, но ниточка.

– Так, значит, Шмуйлович уверял тебя, что Ольховского знает хорошо? – спросила я.

– А я откуда знаю? – удивился Гарик. – Тут вообще какая-то темная история. Евгений Маркович позвонил, сказал, что сам прийти не сможет, но чтобы я непременно пригласил к себе на день рождения этого… ну, слесаря… Говорит, так надо. А тот мало того, что сам приперся, но еще и какого-то другого мужика с собой притащил. За столом-то мы, конечно, познакомились, все как надо. Он оказался милейшим человеком…

– И что он тебе рассказывал?

– Да ничего не рассказывал! – огрызнулся Папазян. – Я про него вообще забыл. А сегодня утром, я еще спал, позвонил мне домой Кирьянов и спрашивает: ты, мол, зубного врача Ольховского знаешь? А я спросонья-то никак не соображу, что за Ольховский…

– Так, ясно! – Я решила, что дальше обсуждать с Гариком эту тему абсолютно бесполезно. – Ладно, дай мне координаты Шмуйловича, где он работает, телефоны.

– Говорю же, в отделе стандартизации, – отвечал Папазян таким тоном, будто всех работающих в отделе стандартизации я обязана знать как свои пять пальцев. – Так, номер телефона…

Мне пришлось долго ждать, пока Гарик отыщет где-то в своих записях номер телефона господина Шмуйловича Евгения Марковича. Записав координаты, я посоветовала Гарику опохмеляться не новой порцией коньяку, а стаканом чая и длительной прогулкой на свежем воздухе, после чего положила трубку.

Теперь предстоял разговор с Костей Виноградовым. Я понимала, что час для звонка ему чересчур ранний, но деваться было некуда. Я просто опасалась, что если не застать Костю дома рано в постели, то потом его можно не поймать вообще весь день.

– Да… – Знакомый Костин голос сопровождался глубоким вздохом только что разбуженного человека.

– Костя? Это говорит Таня Иванова…

– Таня? Какая Таня?

– Вот те раз! – обиженно произнесла я. – Уже забыл?

– А, Таня! Нет, почему забыл… – Казалось, Костя совершенно не рад тому, что я ему позвонила. – Ты как, уже выспалась?

– Конечно!

– Ты же вчера столько выпила…

– Ну да… – Удивление мое было беспредельно. – А ты откуда знаешь?

– Ничего себе! Мы ж с тобой вместе сидели…

Тут только до меня дошло.

– Нет, Костя, проснись как следует! – с настойчивостью в голосе сказала я. – Я не та Таня, которую ты имеешь в виду! Я Татьяна Иванова, частный детектив, мы с тобой в юности вместе карате занимались. Помнишь?

– Карате? Иванова? – послышался глубокий вздох. – Ведьма, ты, что ли? – радостно воскликнул Костя. – А я-то думал… Говоришь, что Таня, а голос какой-то совсем не такой…

– Понимаю, – бодро сказала я. – Одним словом, я вовсе не та Таня, с которой ты вчера вместе сидел и выпивал и…

– Слушай, ладно, не злись. – По голосу Виноградова можно было понять, что он действительно рад меня слышать. – Давай, рассказывай, какие проблемы. Опять помощь в расследовании нужна?

– Слушай, Костя, ты почему такой догадливый, а? – не могла удержаться я от вопроса.

– Да потому, что ты только по такому поводу мне и звонишь, – отвечал он со смехом. – Менты к своему осведомителю и то с бльшим вниманием относятся… Ладно, не злись, рассказывай в двух словах, что случилось…

– Ничего особенного, пустячок, – как можно беззаботнее произнесла я. – Просто мне нужно отыскать один коричневый чемоданчик, набитый золотыми слитками. Вот и все…

На другом конце провода Виноградов тихо присвистнул.

– И много золота?

– Я ж сказала: целый чемоданчик. Представляешь обычный «дипломат», полный золотых слитков?

– Конечно, – подтвердил Костя. – И красивое представление получается. Ты его сама видела?

– Чемоданчик? – удивилась я. – Нет, откуда? Мне как раз дали задание его найти.

– Ясно, – коротко сказал Костя. – Поручение очередного клиента. Ты за эту работу берешь деньги, а я должен буду бегать, заниматься непосредственно поисками…

– Но, Костя, разве тебе трудно позвонить, поспрашивать людей? Может быть, этот чемоданчик где-то уже всплыл…

– Сколько, говоришь, там золота?

– Клиент утверждает, что семь килограммов. В слитках по двести пятьдесят граммов. Сам чемоданчик типа «дипломат», обитый коричневой кожей…

– Понятно, – послышалось, как Костя на другом конце провода вздохнул. – Проблема не из легких вообще-то… Но я попробую поговорить со знакомыми, что-нибудь выяснить.

– Когда встретимся?

– Вечером, наверное, – неопределенным тоном отвечал Виноградов. – Раньше я все равно ничего не успею разузнать. Ты знаешь мое излюбленное место отдыха по вечерам?

– Ресторан «У Леши»?

– Точно! – Костя рассмеялся, видимо, довольный тем, что я помню его привычки. – Сегодня вечером я буду тебя там ждать с одиннадцати часов. Потолкуем…

Когда я во второй раз положила трубку своего домашнего телефона, признаюсь, настроение у меня было прескверное. Все нарытые мною до сих пор сведения выглядели так мало обещающе, что я всерьез задумалась, а не бросить ли мне это дело… Пока я в него не влипла по уши…

Грустные мои размышления прервал звонок во входную дверь, и я пошла открывать, как всегда, не задумываясь и не спрашивая, кто ко мне пожаловал и чего от меня хочет.

Глава 3

Стоящий на пороге мужик в пятнистой армейской куртке и с закрывающим лицо черным чулком на голове заехал мне прямым в челюсть так быстро, что я едва успела поставить верхний сбивающий блок. В ответ я ловко произвела проникающий удар ногой вперед, причем вполне успешно – нападавший улетел к черту. То есть вон из моей квартиры. Однако я отпустила ручку входной двери, что оказалось большой моей ошибкой. Потому что в нее тут же ввалились двое других мужиков в точно таких же зеленых, точнее цвета хаки, куртках и с масками на голове и накинулись на меня. Впрочем, эти олухи по-настоящему умели только размахивать кулаками. Я свободно заехала одному из них ребром ладони по шее, другому круговым ударом постаралась свернуть челюсть. Подонки отлетали от меня, как резиновые мячики, круша мебель на своем пути и жалобно охая. Только, видно, вчерашний перегруз сказывался – удары получались слабоватыми, и они хоть и отлетали в стороны, но поднимались на ноги и опять – вот приставучие гады! – кидались на меня. У одного из них в руках оказалась резиновая дубинка, он замахнулся ею, и я собралась было вырубить его прямым ударом ноги в пах, что уж точно сработало бы, как вдруг рядом со мной раздался истошный вопль:

– Стоять, сука! Пристрелю!

Тот тип, что первым получил от меня ногой по морде, очухался и влез теперь в квартиру. И в руке у него был ствол.

Ствол – очень серьезная штука, обращаться с ним нужно крайне осторожно. Прикрываясь телом одного из горилл, того, что с дубинкой, я проделала-таки круговой удар ногой по среднему уровню и выбила пистолет. Только это отвлекло слишком много моего внимания: второй детина успел очухаться, и они накинулись на меня со всей злостью. Я не успела среагировать, пропустила опасный удар в голову, затем еще один. Мужик дубинкой снова замахнулся и… На какое-то время перед моими глазами поплыли разноцветные круги.

Очнувшись, я ощутила себя намертво привязанной к стулу. Главный в шайке стоял теперь прямо передо мной, держа в руке свой ствол, и внимательно всматривался мне в лицо. Его светло-карие глаза, устремленные прямо на меня сквозь прорези в закрывавшем лицо черном чулке, – вот единственная примета, которой я могла располагать.

– Гляди-ка, наша барышня пришла в себя, – сказал он, криво усмехаясь. Судя по голосу, было ему – вот и еще одна причина – едва ли больше тридцати. – А я уж подумал, что придется ей височки одеколоном смазывать…

Обида за то, что я проиграла схватку этим трем придуркам, была слишком велика. Отвечать никак не хотелось.

– Ну, барышня, не дуйся, – снова проговорил главный бандит. – У нас к тебе разговор есть.

– Развяжи меня, ты, мурло! – негромко, сквозь зубы отвечала я.

– Ого! Видали? – Главный бандит расхохотался, оборачиваясь к своим спутникам. Те стояли чуть поодаль и смотрели на меня серьезно и угрюмо, насколько об этом можно было судить по видневшимся в прорезях чулок глазам. – Барышня-то у нас, оказывается, с характером!

– Развяжи! – снова коротко и глухо повторила я.

– Извини, не можем! – со злым смешком сказал главный бандит. – Разговор предстоит очень серьезный, можно даже сказать, интеллектуальный, а тебя все время руками да ногами махать тянет. Так не годится в приличном обществе себя вести!

Он снова расхохотался, видимо, очень довольный своим остроумием, а меня охватила жуткая досада: ну что же я как дура попала в руки бандитов! Не могла в «глазок» глянуть или хотя бы спросить «кто там?», прежде чем дверь распахивать?

– Ладно, хватит веселья! – сам себя оборвал главный бандит. – Давай отвечай! О чем ты вчера вечером говорила с Ольховским? Ну! Или я тебя пристрелю прямо сейчас, на месте!

Я пристально смотрела, как прыгает дуло пистолета перед самым моим носом, и со злостью думала, что только пусть попробует этот тип ударить меня вот сейчас, когда я связана. Ни слова им не скажу, и пусть хоть режут меня живьем на куски. Впрочем, решила я, если он и дальше собирается так орать, я тоже ничего не скажу.

– Ну, чего молчишь? – немного менее самоуверенно спросил главный бандит. – Думаешь время протянуть, да? Думаешь, кто-то из твоих ментов придет тебе на выручку?

– Развяжи! – коротко приказала я. – Развяжи, и тогда будет у нас с тобой разговор.

– Ах ты, маленькая сучка… – Бандит хоть и продолжал ругаться, то заметно потерял уверенность. Видно было, что он колеблется. – Ладно, хрен с тобой, – сказал он наконец. – Развяжите ее. Только смотри, у меня ствол.

Двое бандитов приблизились ко мне, распустили узлы на веревке, после чего с опаской отошли в сторону. Главный держал свой пистолет на изготовку.

Я с наслаждением потерла уже затекшие от узлов веревки части тела, потом вытащила из смятой пачки сигарету и подивилась: зажигалка, лежавшая в одном кармане с пачкой, оказалась не сломанной. Я спокойно закурила. Не спеша выпустила изо рта облачко сизого табачного дыма.

– Ну, давай, не тяни, – проговорил главный бандит, глядя на меня со злобой. – Рассказывай, о чем ты говорила с Ольховским вчера вечером.

– О любви, – небрежно ответила я, усмехнувшись.

– Ты не дури! – вскинулся главный бандит и снова замахал пистолетом перед самым моим носом. – Думаешь, мы совсем олухи, да? Объясняй, почему после вчерашней вечеринки ты поехала вместе с ним?

– Не я с ним, а он со мной поехал, – невозмутимо поправила я. – Машина-то была моя, и за рулем сидела тоже я.

– Да? – недоверчиво переспросил бандит. – А о чем вы битый час трепались, перед тем как поехать?

Однако! Этот доморощенный гангстер знает даже такую незначительную деталь. Очень интересно! Я бы сказала, криминальные элементы нашего общества временами оказываются неплохо информированными.

– Ты что, следил за нами, что ли? – спросила я насмешливо.

Бандит заскрежетал зубами.

– Следил или нет, не твое дело! – зло сказал он. – Хочешь жить, отвечай! О чем вы говорили?

– Не помню, – небрежно сказала я. – Я была пьяная вдрызг. И этот час попросту приходила в себя на свежем воздухе, прежде чем сесть за руль.

– А почему его за руль не посадила?

– Чтобы он угробил мою «девятку»? – Я пожала плечами. – Нет уж, спасибо! В тот вечер Ольховский был не лучше меня…

Бандит некоторое время смотрел на меня озадаченно, соображая, какой задать следующий вопрос.

– Он тебе никаких предложений не делал? – спросил наконец он.

– Интим? Нет, ему было не до того. Его дома ждали жена и дети…

– Хватит дурить! – вспылил бандит. – Ты думаешь, мы не знаем, кто ты такая?

– Если знаешь, зачем спрашиваешь?

Главный бандит заскрежетал зубами.

– Слушай, я тебя в последний раз конкретно спрашиваю: вчера вечером Ольховский предлагал тебе работать на него или нет? Ну же! Отвечай!

А собственно, что удивительного? К этому вопросу шел весь разговор. И какая же я балда, что вместо того, чтобы, пока есть время, придумать хороший ответ на него, выпендривалась и изображала из себя бесстрашную бабу! Хотя, с другой стороны, теперь, когда Ольховский мертв, что я теряла от того, что сознаюсь в этом?

– Может, и предлагал, – сказала я. – Дальше что?

– Ага, вот так, – главный бандит не скрывал своего удовлетворения. – Ну, не сиди как дура! Давай рассказывай дальше! – снова прикрикнул он. – Конкретно о чем он тебя попросил?

– Он меня попросил последить за своей женой, – невинно проговорила я. – С некоторых пор у него возникли подозрения, что она изменяет ему с его шефом, Николаем Пантелеймоновичем.

– Бортниковым? – спросил главный бандит. Он так удивился, что даже в растерянности опустил пистолет. Ничего не стоило бы в тот момент выбить ствол из его руки, взять на мушку всю компанию, а затем сдать ее Кире. Но я решила, что поступать так преждевременно. Да, лихая троица ворвалась в мой дом, они меня скрутили и привязали к стулу, но этого маловато будет для ареста шайки. К тому же, прежде чем ее арестовывать, мне бы хотелось вытянуть из своих «гостей» побольше информации.

– А вы что, хорошо знакомы?

– Так! – Главный бандит снова взял себя в руки. – Или ты кончаешь блефовать и рассказываешь нам все как есть, или мы кончаем тебя. Поняла?

Блефовать… Слово резануло мне слух. Блефовать! Уж не о блефе ли этого бандита предупреждали меня кости?

– Ты кончаешь меня? – насмешливо переспросила я. – Не из этого ли пистолета? Вам мало того, что он засветился на убийстве Ольховского…

Бандит вздрогнул и посмотрел на меня пристально.

– Бабу кончать надо, – сказал один из молчавших до сих пор «гостей». – Она все знает.

– Заткнись, дурак! – Казалось, главный бандит даже позеленел от ярости. – Кто тебя просил вякать? Еще раз скажешь слово, и я тебя самого кончу, умник. Ты понял?

Затем, оставив в покое своего подручного, главный бандит начал нервно расхаживать с пистолетом в руке по комнате.

– Все, что нам нужно знать от тебя, – заговорил он наконец решительно, – это где находится чемодан. Отвечай! Ольховский тебе его отдал на сохранение?

Когда блефуешь, труднее всего решить, кем именно прикинуться – полной дурой или всезнайкой. Оба варианта имеют свои положительные и отрицательные стороны.

– А с чем этот чемоданчик? – наивно спросила я.

– С дерьмом! – сердито отозвался бандит. – Если не знаешь, так помалкивай. И отвечай: вчера он про чемоданчик не заикался?

Я чувствовала немалую растерянность, глядя на бандита. Может, в этой истории два чемоданчика? Если имеет в виду тот самый чемоданчик, который у Ольховского сперли, то почему зубной врач должен был отдать его мне на сохранение? Если шайка убила на самом деле Ольховского, то почему они не выкрали чемодан? Наверное, это и есть тот самый блеф, о котором предупреждали меня гадальные кости. Я должна быть предельно настороже.

– Не помню, – устало сказала я. – Я вообще плохо помню, что делаю в пьяном виде. Ольховский что-то бормотал все время – и пока мы стояли, и пока мы ехали. Но я не слушала его.

– Не слушала? – Бандит смотрел на меня недоверчиво. – Но он же предложил тебе работать на него!

– Детали мы должны были обговорить сегодня утром, – соврала я. – Заодно он должен был принести деньги. Я, знаете ли, пока не получу задаток, с места не двигаюсь.

– А он обещал привезти деньги? – спросил бандит. – Он сказал, какие?

– Договаривались, что баксы, – отвечала я небрежно.

– Значит, он к тому времени уже продал часть, – сказал второй стоявший поодаль бандит. – Потому что ночью золото не продашь ни за рубли, ни за деньги…

– Молчи, подлюга! – взревел главный бандит, наотмашь ударяя своего подручного пистолетом по лицу. – Я же тебе сказал – молчать, держать язык за зубами. Ты что, хочешь, чтобы хозяин нас всех в расход пустил?

Шикарная получилась сцена! Все трое так увлеклись ею, что совершенно перестали обращать внимание на меня. А я тем временем осторожно встала, подошла к ящику стола, бесшумно открыла его и достала оттуда свой «макаров», имевшийся у меня на вполне законных основаниях. Не торопясь сняла пистолет с предохранителя… Тихий металлический щелчок заставил бандитов обернуться.

– Ты чего? – вот и все, что сумел пробормотать главный бандит, даже не делая попытки навести на меня свой ствол.

– Ребята, вы меня утомили, – сказала я совершенно спокойно. – Я про ваши дела ничего не знаю – ни про чемоданчик, ни про золото. Так что давайте сваливайте отсюда. Мне от вас ничего не нужно, а заодно будем считать, что и вам от меня тоже.

Некоторое время бандиты смотрели на меня ошалело, потом главный махнул рукой и сказал:

– Ладно, пошли, ну ее на хрен. Только смотри, – он приблизился ко мне на пару шагов, не обращая внимания на мой ствол. – Вякнешь про нас кому, пеняй на себя!

Я подождала, пока за бандитами закроется входная дверь и стихнут их шаги на лестнице. После этого снова поставила свое оружие на предохранитель и спрятала его на прежнее место – в ящик стола. Честно говоря, расследовать дальше это дело мне совершенно не хотелось, тем более из чистого энтузиазма. Однако свой больной зуб я так или иначе должна вылечить. И кто мне мог помешать сделать это в стоматологической клинике «Тан-мед», бывшей медсанчасти завода «Тантал»?

* * *

Стоматологических клиник в нашем городе Тарасове за последние годы расплодилось великое множество. Платить в них приходилось дорого, но зато, в отличие от государственных поликлиник, очередей не было никаких и лечить там вроде бы умели. По счастью, обо всем этом до сих пор я знала только понаслышке, до сих пор зубы не беспокоили меня.

На парковке возле яркой неоновой вывески «Тан-мед» стоял рядок весьма престижных машин. Здание, в котором располагалась клиника, было отделано по евростандартам, так что выглядело очень даже прилично.

В дверях я столкнулась нос к носу с Андрюшкой Мельниковым, моим бывшим сокурсником по юридическому институту, а теперь офицером милиции. Вместе с Кирей и Гариком Папазяном он частенько помогал мне в раскрытии разного рода трудных дел.

– О, Татьяна, привет! – с искренней радостью воскликнул он. – Тыщу лет тебя не видел!

– Слушай, Андрей, а ты что здесь делаешь? – не без тревоги поинтересовалась я.

– Да вот, расспрашивал про одного типа…

– Про Ольховского? – спросила я.

– А ты откуда… – начал было Андрей, но потом вспомнил: – Ах да, Киря же мне говорил. Ты в эту историю тоже влипла…

– Тоже? – удивленно переспросила я. – А кто еще?

– То есть как это кто? – удивился Андрей. – Еще Гарик. Его к начальству уже вызывали, вопрошали грозно: почему это людей, которые возвращаются от него поздним вечером, уби-

вают. Гарик в ответ только глазами хлопал. А наше начальство от этого только пуще злится, бедному Гарику всякими карами грозит…

Я от души рассмеялась: Андрюшка, как всегда, был такой смешной! На самом деле история, которую он так комично изображал, едва ли можно назвать веселой. Милицейское руководство умеет так наезжать на своих провинившихся подчиненных, что тем становится не до шуток.

– Ну, и как у тебя успехи? – спросила я, кивая в сторону клиники. – Выяснил что-нибудь?

– Да какое там! – Мельников с досадой отмахнулся. – Все как сговорились: великолепный врач, замечательный человек, никогда ни с кем не ссорился, врагов не имел. Только почему-то его застрелили, да еще так умело. Но ведь простого доктора, пусть даже стоматолога, убивать не станут, киллеров нанимать не будут, правильно?

Я молча кивнула.

– А кстати, – заинтересованно посмотрел на меня Андрюшка, – ты-то зачем туда идешь?

– Я иду лечить зубы, – твердо сказала я, опуская, однако, глаза.

– Что, все сразу? – усмехнулся Мельников. – Ну, давай-давай. А скажи-ка, Танечка, кто это тебе мордашку так разукрасил? Опять с кем-нибудь поцапалась?

– Да вроде того. Компанию сексуальных маньяков случайно повстречала.

– Вот как… ты в живых-то их, по крайней мере, оставила? – усмехнулся он.

– Разве что в живых, – отвечала я. – А вот грешить они больше не смогут…

– Понятно, – Андрей весело, с искренней симпатией смотрел на меня. – Ладно, я побегу, а то начальство рапорт требует. Не важно, что в нем написано, главное, чтобы бумага на месте была.

Я кивнула, глядя вслед удаляющемуся Андрюшке. Веселый, заводной парень, черт возьми!

* * *

В коридоре клиники «Тан-мед» было тихо, практически безлюдно, если не считать нескольких человек, смирно сидевших в большом холле, куда выходили двери кабинетов. Мне показалось, что эти люди просто от нечего делать скучают там, любуются роскошной обстановкой выполненного в евростиле интерьера клиники.

Подойдя к окошку регистратуры, я сказала, что хочу попасть на прием к доктору Ольховскому. Сидевшая в регистратуре пожилая медсестра мгновение смотрела на меня пристально.

– Вам на лечение или на удаление? – наконец спросила она меня.

Я несколько растерялась.

– А Ольховский что делает – лечит или удаляет?

Дама в регистратуре снова до неприличия долго рассматривала меня поверх очков с толстыми линзами.

– У вас что, острая боль? – спросила она.

– Да! – выдала я почти правду.

– Тогда оплатите в кассе, доктор примет вас.

Я глянула на бумажку, которую регистраторша протянула мне, и едва не задохнулась. Стоматологические клиники и в самом деле неплохо имеют с больных!

– Но я хочу попасть непременно к доктору Ольховскому! – продолжала блефовать я. – Я с ним созванивалась вчера, он меня пригласил примерно на это время.

– Анатолий Дмитриевич сегодня не вышел на работу, – сказала дама в регистратуре металлическим тоном.

– А когда теперь выйдет?

– Когда, когда… – Регистраторша, не глядя на меня, принялась перебирать какие-то бумаги у себя на столе. – Никогда он не выйдет. Убили его сегодня ночью.

– Как это убили? – в ужасе проговорила я. Мне даже не понадобилось особенно стараться для этого.

– Рано утром нашли его в подъезде собственного дома… – Пожилая медсестра грустно вздохнула. – Сегодня к нам из милиции приходили, расспрашивали. Какие с кем у него были отношения и все такое. Говорят, похоже на заказное убийство.

– Да кто же это… – пролепетала я потрясенно.

– Ну, а кто теперь знает? – пожала плечами дама за окошком. – Сами понимаете, время сейчас какое. Человеческую жизнь ни во что не ставят, из-за денег готовы на что угодно.

– А что, у Анатолия Дмитриевича было много денег? – наивно спросила я.

– Да откуда? – махнула рукой медсестра. – Сами посудите, разве у обычного врача может быть столько денег, чтобы из-за них убивать? Много денег теперь только у воров да у бизнесменов.

– Из-за чего же тогда его убили?

– Может, кому-то дорогу перешел, – отвечала она, – или вечером в подъезде какая-нибудь шпана напала. Шальная молодежь, наркоманы…

– Думаете, хулиганы его убили? – спросила я. – Вы простите, что я так вас расспрашиваю. Мы с Анатолием Дмитриевичем старые знакомые. Я просто поверить не могу, что с ним такое стряслось.

– Я понимаю, – сказала регистраторша.

– У него что, враги были? – задала я глупый вопрос.

– Да кто ж теперь знает, – пожала плечами она. – Этот мальчик из милиции, что сегодня сюда приходил, тоже все расспрашивал, были ли у него враги, недоброжелатели, получал ли он угрозы. А разве мы что знаем?

Я кивнула. Беседа с этой женщиной и правда не имела никакого смысла. Я решила, что можно попытать счастья с кем-нибудь из его коллег, врачей-стоматологов, и прошла в кабинет, который мне указала регистраторша.

Внутри просторного помещения стояло в ряд несколько зубоврачебных аппаратов. Пересчитывать кресла пыток я не стала, не было ни малейшего желания. Когда я вошла, в кабинете находились три женщины-врача. Одна из них поднялась мне навстречу, взяла талон, который мне выдали в регистратуре, и указала на одно из кресел. Я послушно влезла на жесткое, с откидывающейся спинкой ложе, с некоторым ужасом оглядела рядок блестящих зубоврачебных инструментов, выложенных на прозрачном стеклянном столике возле кресла. Я успела заметить там и мощные, напоминающие плоскогубцы щипцы, которыми, наверное, выдирают самые крепкие, коренные, зубы, и длинные тонкие иглы. При виде игл мне стало жутко. Господи, неужели и меня сейчас будут лечить при помощи этого набора средневекового палача?

Женщина-стоматолог тем временем уселась на шаткое круглое и скрипучее сиденье, достала откуда-то снизу завернутый в бумагу новый комплект инструментов, развернула обертку и стала раскладывать инструменты на столике перед собой.

– Вы знаете, – заговорила я, не в силах спокойно наблюдать, как перед моими глазами хладнокровно раскладывают все новые и новые орудия пытки, – я, вообще-то, пришла к Анатолию Дмитриевичу Ольховскому… Мне говорили, что он великолепный специалист, и вообще…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.